

© 2022

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России и Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)
(e-mail: de-888@ya.ru)

О СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИДЕОЛОГИЧНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕЙНСТРИМА И О ЕГО ВОЗМОЖНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ

Эксплицирован список идеологом неоклассической экономической теории. Показано, что оценка современной мировой финансово-экономической системы не может быть дана сама по себе, без априорного социально-этического выбора.

Обоснован тезис, что альтернатива мейнстриму может быть построена в рамках классического подхода.

Ключевые слова: денежный эталон, классика, неоклассика, мейнстрим, мировая экономика, примативность, экономическая теория.

DOI: 10.31857/S020736760019572-8

В качестве одной из главных целей образования БРИКС декларировано «общее стремление партнеров по БРИКС реформировать устаревшую международную финансово-экономическую архитектуру, не учитывающую возросший экономический вес стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран» [1. С. 2].

В чем она устарела? Как именно и в каких формах следует учитывать возросший экономический вес развивающихся стран?

Многие авторы, весьма авторитетные и титулованные [2–4], указывают, что современный финансово-экономический порядок организован в мире таким образом, что страны ядра мировой экономики (так называемый «золотой миллиард») имеют существенные экономические предпочтения. Источники этих предпочтений очевидны.

Сверхпотребление США (и других стран – эмитентов резервных валют) в существенной степени обеспечивается «...эмиссией доллара не только во внутренний, но и мировой оборот, что и обуславливает безвозмездный приток в страну товаров, производимых за рубежом» [5. С. 30]. Насколько велик этот сеньораж в случае США? Нижнюю границу можно оценить по количеству долларов США в международных резервах Центробанков: на конец 2019 года это была фантастическая сумма в 7,2 триллиона долларов¹, то есть примерно 1.000 долларов на каждого жителя Земли².

¹ К концу 2019 г. совокупные международные валютные резервы составили 11,8 трлн долл. США: доллар США – 60,9% (7,2 трлн долл.), евро – 20,5%, британский фунт – 4,6%, японская иена – 5,7%, швейцарский франк – 0,2%, прочие валюты – 8,1% [6. С. 113–114].

² Еще раз обратим внимание, что это нижняя граница оценки, основанная на открытой и достоверной статистике по международным резервам; реальная величина накопленного за последние 50 лет долларового сеньоража гораздо выше. См., напр.: [7].

Также «...всевозможными способами занижаются цены на товары развивающихся стран: сырье, энергоресурсы и рабочую силу ... считающаяся сейчас “справедливой” цена в 60–70 долларов за баррель с учетом прошедшей за 35 лет инфляции [написано в 2009 году] соответствует примерно 3–4 долл. за баррель в ценах 1972 года. А это значит, что развитым странам удалось вернуть нефть к уровню цен, с которого начался энергетический кризис» [8. С. 226].

Однако оценки адекватности (справедливости) мировой финансово-экономической архитектуры различаются полярно: от полного неприятия и жесткой критики [9–10] – до апологетики. И отнюдь не всегда апологетами выступают представители стран «золотого миллиарда»: «На первый взгляд такое устройство [мировой экономики] несправедливо. Однако, оно выработалось в процессе экономической эволюции, и происшедшее разделение функций закономерно» [8. С. 224].

Глобализация в XXI веке – результат “естественной эволюции”? Научный спор об этических (оценочных) суждениях, как правило, неконструктивен. Но вот *экспликация принципов*, лежащих в основе оценок, может быть весьма конструктивна. Автор последней цитаты (С. Огневцев), как и другие разделяющие такую позицию исследователи, усматривает некую высшую справедливость международной финансово-экономической архитектуры в том, что «современное устройство мировой экономики – результат тех же эволюционных сил и объективных экономических законов, по которым развивается живая и неживая природа. ...жестоко к слабым. Что ж, на то она и эволюция!» [8. С. 234, 224].

Тезис этот не нов: под ним подписались бы и основоположники социал-дарвинизма (напр., Г. Спенсер, да и сам Ч. Дарвин). Да, биологическая эволюция – это борьба за существование, в которой прав тот, кто сильнее. Биологически мы исходим от стайных приматов. Структуризация стада приматов происходит в первую очередь под воздействием инстинкта иерархического доминирования: в результате конкурентной борьбы за место в стадной стратификации образуется пирамида доминации, поддерживаемая насилием (угрозой насилия) [11. С. 100].

Но есть и альтернативная философская позиция: эволюция социума не является простым продолжением эволюции биологической³. И дело здесь, по нашему мнению, не только (и не столько) в появлении разума: разум сам

³ Конечно, автор не первым высказывает этот тезис: «[если] между биологической и социальной жизнью принципиальной инверсии в развитии нет ... идет принятие модели человека как особого вида животного (политического животного или животного, производящего орудия труда). Именно эта антропологическая модель была взята за основу в реализации западного проекта. Если человек – это один из типов животного, то биологическая борьба (“борьба за существование”) имманентна его природе. Совершенно другая проекция на социальную сферу следовала из принятия селекционной (революционной) версии развития... Социальная жизнь выстраивается иначе, чем биологическая» [12. С. 126–127].

по себе не меняет существа биологической эволюции (конкурентной борьбы). Более того, *per se* разум увеличивает масштаб насилия⁴.

Начав производить искусственные орудия, наши предки нарушили *эволюционный баланс* между естественной вооружённостью диких животных и инстинктивным ограничением внутривидовых убийств. Убойная мощь каменных орудий превзошла уровень инстинктивного торможения агрессии, и доля смертоносных конфликтов стала несовместимой с дальнейшим существованием вида (как показывают данные археологии, многие *homo habilis*, то есть наши биологические предки, были убиты ударом по черепу заострёнными галечными отщепами). Выживание требовало дополнительной (отличной от биологических инстинктов) коллективной регуляции (чувства, ориентированного на поддержание и защиту единства социума), то есть того, что сейчас именуется словами «нравственность», «мораль» [14–15].

Здесь мы не обсуждаем вопрос генезиса морали. Однако важно отметить, что мораль а) не сводима к инстинктам [15. С. 31]; б) представляет альтернативную основу структуризации социума: не на принципе конкуренции, а на принципе кооперации (взаимопомощи: «мы» важнее «я»).

Таким образом, по нашему мнению, в основе организации человеческих сообществ лежат *два* целевых вектора: инстинкт иерархического доминирования требует подчинения вышестоящим индивидуумам (имеющим в социальной системе более высокий ранг) и доминации над индивидуумами (имеющими более низкий ранг) мораль требует строить отношения в социуме на принципах справедливости. Моральная эволюция человечества – это изменение относительного вклада в социальных связях и структурах инстинкта иерархического доминирования (с одной стороны) и моральных норм (с другой)⁵. Так, снижение уровня насилия по мере социального (институционального) прогресса – центральная идея получившей широкую известность работы [19]. Но насилие в обществе – это инструмент доминации (эксплуатации); снижение уровня насилия – это снижение общественной примативности (повышение уровней общественной морали, кооперации).

⁴ Иными словами, здесь мы расходимся с идеологами Великой французской революции, видевшими историю как линейный прогресс, движимый человеческим разумом (развитие которого якобы неизбежно ведет и к прогрессу моральному) [13].

Напротив, мы согласны с представлениями, что прогресс разума (приводящий к развитию технологий, в том числе технологий военных) должен а) уравновешиваться прогрессом моральным; б) этот моральный прогресс не является неизбежным следствием прогресса интеллектуального [14; 16].

Собственно, прогресс моральный вообще не является следствием прогресса интеллектуального: это два независимых процесса, могущие идти даже в противоположных направлениях.

⁵ А. Протопопов ввел, по нашему мнению, удачный термин для характеристики степени проявления инстинктивной мотивации в поведении человека – примативность: степень влияния инстинктивных мотиваций в поведении человека [17. С. 51]; применительно к социально-экономической сфере: «...чем больше в человеке животной сущности (инстинкта эгоистического доминирования, инстинкта присвоения по рангово-силовому критерию), тем он более примативен...» [18]. Эту категорию можно применить и для социума в целом.

Эта двойственность психики есть экзистенциальное свойство человека. Так, в области философии и общественных наук она проявляется в том, что разные мыслители приходят к диаметрально противоположным выводам о природе человека: от «человек человеку волк», «естественное состояние человечества — война всех против всех» [20] до полагания априорного естественного альтруизма [21].

Таким образом, вопрос оценки глобализации (во всяком случае, того ее вида, какой она имела в веке XIX, и какой вновь приобрела в XXI веке) — это вопрос о том, какой тип регуляции социума является главным, приоритетным: конкуренция или кооперация?

Соответственно, если исследователь (осознано или неосознанно) склонен рассматривать историю человечества с позиций приоритета эгоистически-инстинктивной мотивации (социал-дарвинизма, «методологического» индивидуализма)⁶, то иерархическая пирамида глобального доминирования⁷, очевидно имеющая место в современной мировой экономике, представляется «естественной» и «справедливой».

Если же мы считаем, что общественный прогресс — это не просто развитие техники и увеличение потребления, но также (и даже в первую очередь) прогресс в области нравственности, то мировая финансово-экономическая архитектура начала XXI века может быть оценена совершенно иначе.

Две стратегии реализации целей БРИКС. Теперь вернемся к целям БРИКС. Что в «устаревшей международной финансово-экономической архитектуре» — по сути, планетарной иерархической пирамиде государств — устарело?

Неадекватно новым реалиям: А) место стран БРИКС в глобальной пирамиде доминанции, или Б) неправильна (несправедлива) сама эта пирамида?

(А) Если принять, что наличная архитектура мировых финансов (и принципы, лежащие в ее основе) *per se* естественна и правильна, тогда странам БРИКС надо стремиться к тому, чтобы потеснить страны, находящиеся на вершине пирамиды последние десятилетия (в первую очередь — США). В перспективе — вообще сменить их, и самим стать главными бенефициантами мировой финансово-экономической системы.

(Б) В этом случае следует стремиться к изменению всей архитектуры мировой экономики. И выбор этот не может быть чисто экономическим — ему должен предшествовать выбор этический.

Роль неоклассической теории — научное отражение реальности, или идеологический инструмент форматирования оной? Предположим, существует общий этический (и политический) выбор стратегии (Б). Задача реорганизации мирового финансово-экономического устройства предполагает адекватный теоретический

⁶ То есть, по сути, как ту же биологическую эволюцию, в которой роль зубов и когтей перешла к интеллекту.

⁷ В сущности, мировая «мега-стая приматов», где в качестве индивидуумов выступают отдельные государства.

базис. Может ли в качестве такового остаться современный экономический мейнстрим, то есть неоклассическая теория?

Экономический мейнстрим давно подвергается жесткой критике. Вероятно, главный пункт этой критики – неадекватность аксиом и принципов, лежащих в основе мейнстрима [2; 4; 22; etc.]. После финансового кризиса 2007–2008 годов на неоклассическую теорию обрушился вал критики и за ее непригодность для прогноза событий – даже событий масштаба мирового кризиса [23]. Но это ничего не изменило в тотальной доминации неоклассических работ в общем массиве публикаций по экономической теории (собственно, за это неоклассическая теория и получила свое второе название – мейнстрим). Очевидно, что неоклассика с точки зрения западных элит важна, но явно не для научных прогнозов⁸ или рекомендаций по управлению собственной экономикой.

Тогда в чем значимость мейнстрима? Она, в первую очередь, идеологическая.

Мы согласны, что любая экономическая теория идеологична в том смысле, что выгодна какой-то социальной группе. Но в этом смысле «идеологично» не означает автоматически «неверно»: «...защита интересов не подразумевает лжи» [24].

В плане отношения к идеологии все экономические системы можно разделить на 2 множества:

1) ориентированные на производство благ (как для непосредственного потребления, так и для эквивалентного обмена), и потому заинтересованные в увеличении эффективности реального производства;

2) ориентированные на неэквивалентный обмен и потому заинтересованные в производстве, *в первую очередь*, технологий как силового, так и информационного давления (манипуляции)⁹.

Можно ли выделить очевидный признак того, что экономика стран «золотого миллиарда» относится ко второму типу? Да, это идущий последние десятилетия (с постоянным ускорением) процесс финансиализации: рост знаковой подсистемы (деньги, акции, облигации, деривативы и т.д.) многократно опережает рост экономики реальной. Но зачем вообще нужна знаковая подсистема? Знаки *per se* ценностью не обладают; они ценны лишь как средство для получения реальных благ. Знаковая подсистема в любой сколько-нибудь сложной экономике: а) облегчает и упрощает связи между агентами, способствуя тем самым созданию реальных благ; б) может использоваться для манипуляций (то есть мошенничества). Размер знаковой подсистемы уже давно

⁸ Так, на вопрос королевы Великобритании, почему никто не предсказал кризис 2008 года, Р. Лукас ответил весьма просто и прямо: кризис не был предсказан, поскольку экономическая теория предсказывает, что подобные события нельзя предсказать [23. С. 4].

⁹ Конечно, в жизни четкой границы между этими типами нет, но есть значимые тенденции, которые эта классификация отражает.

превзошел все мыслимые нужды экономики реальной, и продолжает расти. Смысл этого может быть только в увеличении возможностей перераспределения реальных ценностей в мировом масштабе: другого смысла в этом процессе просто не может быть¹⁰.

А теперь зададимся вопросом: в пропаганде какого рода экономических теорий заинтересованы элиты этих 2-х типов экономических систем?

В первом случае желательна теория, возможно точнее описывающая реальную экономику, чтобы на ее основе можно было бы принимать оптимальные решения по управлению; во втором случае весьма желательно, чтобы господствовала (в первую очередь во внешнем окружении) теория, систематически искривляющая представления о сути экономических процессов и облегчающая тем самым манипуляцию всеми теми, кто такие «кривые» представления об экономике разделяет.

Мейнстрим, по нашему мнению, по ряду признаков является теорией второго типа: идеологическая значимость его положений важнее их собственно научной ценности. Обоснуем это утверждение.

Идеологичность мейнстрима проявляется:

- В склонности использовать термины без ясных определений¹¹; в размытости и неопределенности критериев выделения школ и направлений¹².

¹⁰ Этот процесс стихийный? «Никто не может им управлять?» – такие утверждения в лучшем случае наивны. Средства обуздания «финансовой стихии» очевидны и общеизвестны: «налог Тобина» (налог на продажу в размере 1% при торговле фьючерсами и валютой); возврат к жесткому разделению инвестиционных и коммерческих банков; прогрессивный налог на сделки с деривативами и т.д. При наличии политической воли все эти средства легко реализуемы.

В 2008–2009 годы на Западе (в первую очередь – в США) создавались комиссии по исследованию причин кризиса, но в результате рост финансового сектора возобновился, и уже давно превзошел уровень 2007 года. Кому и зачем это надо? Одно из оснований лежит на поверхности – финансовая надстройка поглощает избыточные массы резервных валют, позволяя получать сеньораж без риска гиперинфляции.

«В США в конце 2019 г. объем экспорта составлял всего около 1/3 от величины текущих внешнедолговых платежей» [25. С. 105], но это означает, что большая часть внешнедолговых платежей финансировалась эмиссионно.

¹¹ Даже такое ключевое понятие, как «деньги», не имеет строгого и общепринятого определения: [26].

¹² Так, В. Усоскин еще в 80-е годы XX века заметил по поводу монетаризма (на тот момент главной школы мейнстрима), что для его сторонников «характерны нарочитая туманность формулировок, частые изменения и “уточнения” позиций, неприязнь к “деталлям” и другие уловки, затемняющие подлинную суть их теоретических построений» [27. С. 7].

С тех пор ситуация, скорее, усугубилась. Обратимся, например, к известной работе Д. Коландера, в которой он защищает основания неоклассики от критики, заявляя, что мейнстрим «отходит от строгой приверженности святой троице – рациональности, эгоизма и равновесия – к более эклектичной позиции целенаправленного поведения, просвещенного эгоизма и устойчивости», и потому якобы большая часть критики неоклассики не имеет значения [28. С. 2]. «Эгоизм» (selfishness), то есть принцип онтологического индивидуализма, Д. Коландер заменяет на «просвещенный эгоизм» (enlightened self-interest) – и в чем, собственно, разница? Главное – что же это меняет в теории мейнстрима (и ее выводах)? «Равновесие» (equilibrium) заменим на «устойчивость» (sustainability), – и этим словесным жонглированием закроем от критики все теоретические проблемы неоклассики? С тем же успехом

Четкие и ясные определения являются необходимым условием для научной критики [32]; уход от точных определений есть способ недобросовестной «защиты» концепции.

- В методологии, ориентированной на защиту «твердого ядра» мейнстрима¹³.

Но в основе главных идеологом мейнстрима, по нашему мнению, лежит логическая ошибка *fallacia fictae universalitatis*: ложное обобщение формально верных (для некоторых особых случаев) положений на более широкий контекст:

А) Теория общего экономического равновесия (ТОЭР). В середине прошлого века в ряде работ [34–35] было доказано существование равновесия, и его оптимальность (для *идеального* рынка, то есть при весьма сильных идеализациях). При ослаблении идеализаций ТОЭР ни единственность, ни даже существование равновесия, как правило, не доказуемы. Так, при естественных предположениях относительно свойств индивидуальных предпочтений множество равновесий может быть каким угодно (теорема Зоннenschейна–Мантеля–Дебре [36]).

Неправомерная генерализация здесь в следующем: существование равновесия для идеального рынка было объявлено «доказательством» якобы априорного превосходства реальной рыночной экономики над плановой (капитализма над социализмом).

Б) Если собственно в рамках неоклассического подхода принцип равновесия (стремления к равновесию) принимается априорно, то неоавстрийская школа (дистанцирующаяся от мейнстрима по ряду аспектов), идеологически обосновывает превосходство «рынка» над «планом» не идеализацией «рынка», а демонизацией «плана»: принимая, что реальный рынок достаточно далек от идеального, Хайек, Мизес, де Сото и др. утверждают тезис о еще меньшей эффективности (а то и вовсе невозможности) тотального централизованного планирования: «[рынок] являясь не чем иным, как процессом переработки информации, способен собирать и использовать информацию, широко

можно решить проблемы социальные, начав называть воров «просвещенными эгоистами, склонными к оппортунизму»...

К чему, собственно, сводится прием [по нашему мнению, откровенно манипулятивный] Коландера в цитированном отрывке? Это опускание критики неоклассики на уровень наивного фальсификационизма: «реальные рынки не всегда находятся в равновесии», и Коландер соглашается: да, это так, заменим «равновесие» на «устойчивость» (то есть – стремление к равновесию: даже если рынок и выходит из состояния равновесия, он все равно к нему стремится). Но разве то, что реальный рынок отличается от своей идеальной модели, было непонятно еще создателям ТОЭР?

Однако главная альтернатива обсуждаемого постулата о равновесии заключается не в указании на то, что рынок *иногда* бывает неравновесным, а в тезисе об *атрибутивной* внутренней неустойчивости сложной рыночной системы: «Экономика как живая система... никогда не бывает в состоянии равновесия» [4. С. 10]. И эту главную альтернативу (выразителями которой в науке Запада в XX веке были Дж. Кейнс [29] и посткейнсианцы [30–31]) Д. Коландер просто «не замечает».

¹³ В [33] нами обоснован тезис, что методология инструментализма, эмпирический и риторический «повороты» есть способ защиты «твердого ядра» современного экономического мейнстрима.

рассеянную – такую, которую ни один орган централизованного планирования, не говоря уже об отдельном индивиде, не может ни знать в полном объеме, ни усваивать, ни контролировать» [37. С. 29]. Иными словами: для построения детальной матрицы межотраслевого баланса (МОБ – каковая есть основной инструмент централизованного планирования) требуются точные межотраслевые коэффициенты, но они, по мысли неоавстрийцев, могут быть точно установлены только в процессе производства (а информация для построения целевой функции оптимума появляется вообще только в процессе потребления).

Подмена тезиса здесь в следующем: неоавстрийцы, справедливо указывая на фатальные недостатки *тотального* планирования (когда издержки поиска информации растут экспоненциально), свой вывод распространяют на институт централизованного планирования как таковой. Здесь уместна аналогия с отношением между инстинктами и разумом: если человек решит контролировать умом напряжения и расслабления *всех* своих мышц при ходьбе, от информационной перегрузки он не сделает и шагу; однако разве из этого следует, что разум человеку только во вред?¹⁴

Отметим, наконец, что Ф. Хайек никогда не критиковал частные суперкорпорации, очевидно планирующие свою работу, притом, что по объемам экономической деятельности современные ТНК могут превосходить государство среднего размера¹⁵.

В) Теории международной торговли (во всех вариантах) показывают *краткосрочную* эффективность использования уже имеющихся ресурсов при свободной торговле.

Но из этого делается уже идеологический вывод о благотворности свободной торговли (для всех участников) и в долгосрочной перспективе, то есть результат статический неправомерно генерализуется на ситуацию динамическую (то есть на проблему экономического развития, которое в отсутствие протекционистских мер со стороны развивающихся экономик просто никогда не начнется [40. Гл. 3]). Основанные на идеях свободной торговли рекомендации Вашингтонского соглашения по неолиберализму («Вашингтонского

¹⁴ Отметим, что неразрешимые (по мнению неоавстрийцев) задачи в настоящее время перешли в область вполне разрешимых [38]. Задача построения целевой функции оптимума начала решаться уже в 1960-х годах: развитием технологии выбора по товарным каталогам цвета, объема двигателя и т.д. Производитель заблаговременно получает информацию, по мнению Хайека, недоступную. В настоящее время ввиду огромного прогресса торговли через Интернет этот вопрос можно считать решённым. Наконец, развитие вычислительной техники позволяет уже сейчас решать и оптимизировать межотраслевые балансы больших размерностей: «...возможно не только балансировать, но и оптимизировать план производства для всей мировой экономики в реальном времени... при должной мощности компьютерного парка централизованный план окажется лучше рынка» [38].

¹⁵ «Если ранжировать ТНК и крупнейшие страны мира по финансовому обороту – по ВВП для государств и выручке для корпораций, то 40 из 100 сильнейших экономик мира будут представлены корпорациями...» [39. С. 15–17].

консенсуса») в подавляющем большинстве случаев привели к плачевным результатам¹⁶.

Г) Тезис об отсутствии (невозможности) эксплуатации в ситуации рынка, следующий из теории предельной производительности [41].

Тезис этот, по нашему мнению, нельзя назвать даже ограниченно верным, ибо он находится с фактами в постоянном разладе¹⁷. Так, при очевидном снижении эффективности труда высшего слоя менеджеров в США в начале XXI века уровень их зарплат вырос в тысячи раз [3. С. 296–297].

Д) Принимаемый в неоклассике принцип «методологического» индивидуализма является, по сути, принципом онтологического индивидуализма – ибо трактуется не просто как методологическая позиция (предпочтение описывать экономические системы только через индивидуальные действия). Под видом «методологического подхода» по умолчанию принимается философский принцип объективного несуществования систем более высокого уровня, нежели индивид: «в социологических исследованиях все такого рода общности [государства, ассоциации, корпорации...] должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» [43. Р. 13]¹⁸. В результате получается теория, в рамках которой вопрос о степени справедливости какой-либо экономической системы (в том числе и мировой экономики в целом) нельзя даже поставить (понятие справедливости – системное свойство, невыводимое из субъективных индивидуальных интересов).

Здесь мы подходим, по нашему мнению, к главной идеологеме мейнстрима: к апологетике «нормальности» отсутствия какого-либо стандарта (эталона) у мировой резервной валюты. Достаточно очевидно, что иметь возможность печатать деньги в любом (хоть сколько-то разумном) количестве было вековой мечтой банкиров¹⁹. Но ее реализация при господстве классической школы экономической теории была невозможна: один из главных принципов классического подхода есть признание объективности

¹⁶ «Принципы неолиберализма – свободный рынок и свободная торговля – призывают пожертвовать равенством ради роста, но в результате не достигается ни то ни другое. За последние 25 лет, когда открылись границы и появился свободный рынок, рост на самом деле замедлился» [40. С. 16].

См. также [10].

¹⁷ Собственно, в разладе с фактами находится вся теория предельной производительности: см., напр. [42. Гл. 9].

¹⁸ Более детально автор рассмотрел этот вопрос в [44].

¹⁹ Предвосхищая любителей наклеивать ярлык «конспирология», заметим: было бы в высшей степени странно, если бы таковой мечты у банкиров (впрочем, как и у политиков) не было – все развитие банковского дела есть разработка таких социально-экономических технологий, которые позволяют создавать все большее количество знаковых конструкций на возможно меньшем по объему базисе материальных ценностей (драгоценных металлов). И было бы еще более странно, если бы теория, обосновывающая такую возможность (то есть неоклассика) не была бы поддержана финансовой элитой.

стоимости²⁰, и соответственно обязательности эталона у денег (чтобы была возможна объективная мера экономических транзакций)²¹. Ситуация принципиально изменилась на рубеже XIX–XX веков – после неоклассической революции в экономической теории (принятия принципов онтологического индивидуализма и субъективизма). То, что в современной экономике деньги являются мерой *без эталона*, трактуется как некий «экономический актив»²² – это прямое следствие десятилетий господства неоклассических представлений об отсутствии объективной ценности у какого-либо товара²³.

Отмена золотого стандарта открыла возможность для практически безграничной финансиализации мировой экономики, разрастанию финансового сектора и его доминации над реальным производством. В настоящее время выход на мировой рынок – это фактически принудительное участие в огромном казино (в любой момент могут измениться курсы валют, цены на сырье, котировки акций и т.д.). Конечно, теоретически выиграть при этом не запрещено никому, но архитекторы современного мирового финансового порядка (то есть элита стран «золотого миллиарда», и, в первую очередь, США) выигрывают системно.

По нашему мнению, представления о «нормальности» отсутствия в экономике объективных мер – это главная идеологема мейнстрима, которую его апологеты агрессивно навязывают, прежде всего, через систему образования. Как заметил по этому поводу автор самого, вероятно, известного учебника по экономике П. Самуэльсон: «Мне все равно, кто пишет законы страны, если я могу написать ее учебники по экономике» [46. Р. 4].

Об альтернативе неоклассике. С. Глазьев в качестве альтернативы мейнстриму предложил разработанную им теорию долгосрочного технико-экономического развития [4]. Не ставя под сомнение значимость этой

²⁰ Одна из трактовок категории «стоимость» – это система цен, способствующих воспроизводству общества как целого, то есть система *справедливых цен* [45].

²¹ Ситуации, когда обмен денежных знаков на драгметаллы приостанавливался, возникали и до неоклассической революции, но они всегда были следствием либо форс-мажорных обстоятельств (как правило, войны или революции), либо сознательного мошенничества.

²² Природа этого актива якобы не важна, просто люди хотят его иметь. Почему хотят? – Это вопрос якобы «ненаучный», ибо природа потребительских предпочтений индивида трактуется в рамках мейнстрима как «черный ящик». Но в современной экономике этот актив имеет вполне определенную природу – он выпускается ФРС США. Если это знак, уместен вопрос об обмене знака на его значение. А если «актив» – какие могут быть требования у его держателя? «Вы свободно обменяли на этот актив какие-то реальные ценности – теперь делайте со своим активом что хотите...»

²³ Если ценность любого товара определяется соотношением спроса-предложения, а деньги – тоже товар, пусть особый, ценность денег тоже можно определять соотношением спроса-предложения. Более того, так поступать следует, ибо это «теоретически правильно». Это и сделало мыслимым, а затем и возможным согласие мирового общественного мнения с отменой обмена долларов США на золото.

В сущности, неоклассическая теория была очень интересной попыткой обойти те сложности, которые реально связаны с корректным введением в науку категории «стоимость». Другое дело, что финансовая элита Запада осознала те потенциальные выгоды, что несет отрицание объективности стоимости, – и воспользовалась этим.

концепции *роста* экономики, мы считаем, что для целостной альтернативы требуется также соответствующая *микротеория*.

Но, может быть, следует просто очистить микротеорию мейнстрима от идеологем (неправомерных генерализаций)? В принципе это, конечно, возможно. Но в результате мы приходим к выводу, что принцип равновесия («устойчивости») является философской гипотезой, в общем случае реально-сти не соответствующей. Собственно, с этого заявления начинается главная экономическая работа XX века («Общая теория...» Кейнса): «...постулаты классической²⁴ теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия» [29. С. 224]. Для описания же случая общего в мейнстриме попросту не хватает категорий и моделей. Мы имеем здесь в виду, в первую очередь, модель МОБ: в ее основе лежит гипотеза о постоянстве межотраслевых коэффициентов, но это есть не что иное, как другая формулировка существования в крупных экономических системах объективных ценовых пропорций, то есть существования объективной стоимости (ключевого положения классической школы).

По нашему мнению, теоретическое ядро мейнстрима (ТОЭР) можно рассматривать как описание идеала (эталона эффективности) экономической системы, а мейнстрим в целом — как частную теорию, описывающую редуцированную экономическую систему (в которой процессы производства незначимы и подчинены процессам распределения)²⁵. Общий же случай описывает классическая школа экономической теории. Наши представления о том, как может быть развита микротеория в рамках классической школы, мы изложили в [47–48].

Некоторые практические следствия. Выше нами эксплицировано, что одно из главных искривлений современной мировой финансово-экономической системы — это тезис о «нормальности» отсутствия в экономике объективных мер. Он является теоретической основой как для манипуляций с валютами и ценными бумагами, так и для потенциально безграничного сеньоража эмитентов резервных валют. Понятно, что апологеты экономического мейнстрима (а тем самым — осознанно или неосознанно — защитники интересов Запада) идею возврата к объективному стандарту стоимости стремятся представить как некую утопию: «...возврат к золотому стандарту все более утопичен, поскольку никому уже не выгоден, у него нет бенефициара. Правящий класс конкретной страны (и это давно стало ясно) в итоге выигрывает от той ситуации связи с валютой на мировом рынке, которая имеется сегодня» [49. С. 59]. Под «конкретной страной» в этой цитате подразумевается, очевидно, США. Согласимся: бенефициара возврата к какому-то эталону (золотому, или

²⁴ Здесь Дж. Кейнс называет «классикой» то, что сейчас именуется «неоклассика».

²⁵ Иными словами: неоклассическая теория не ошибочна; она неоправданно обобщена (представлена как общий случай экономической системы, в то время как реально она описывает случай частный).

иному) среди элит государств, чьи валюты являются резервными, очевидно нет ибо эти элиты являются бенефициарами современного мирового финансово-экономического порядка. Однако бенефициарами возврата к какому-то эталону являются все остальные государства мира, которые по состоянию на сегодня оплачивают сеньораж финансовых систем стран-эмитентов резервных валют.

Каковы конкретные возможные формы эталона валюты, помимо эталона на основе драгметаллов? Это:

1) Стандарт энергетический.

Идею об измерении стоимости через затраты энергии высказал еще в XIX веке С. Подолинский [50–51]. В XX веке идею энергетического эталона обосновывали П. Кузнецов [52], Л. Ларуш [53], др. С конкретным планом оздоровления мировых финансов через привязку новой мировой валюты к нефти в 80-е годы XX века выступал Дж. Сорос [54. Гл. 18].

2) Стандарт мультитоварный П. Сраффа в своей классической работе «Производство товаров посредством товаров» предлагал в качестве эталона стоимости составной «стандартный товар» [55. С. 50–52]. Развитием этой идеи является, по нашему мнению, концепция мультитоварного денежного стандарта, предложенная в ряде работ М. Гельвановского с соавторами [56]. Мультитоварный денежный стандарт – это периодически пересматриваемая корзина биржевых товаров (драгметаллы, зерно, энергоносители).

Нам представляется, что энергетический эталон имеет большую часть достоинств подхода Сраффы–Гельвановского, притом, что существенно проще в практической реализации²⁶: конкретно для России для этого достаточно перевести торговлю энергоносителями на рубли²⁷.

Основные проблемы в реализации этого предложения (неоднократно высказываемого в последние десятилетия многими экономистами и политиками) находятся не в собственно экономической области, а в сфере политики: очевидно, что бенефициары эмиссии доллара и евро воспримут такие действия со стороны России предельно агрессивно (как нарушение их «законных» интересов).

Но в современной ситуации (ситуации весны 2022 года) это, по нашему мнению, было бы логичным и последовательным ответом на санкционное давление Запада.

²⁶ Наши аргументы в пользу энергетического эталона см.: [57; 47. С. 118–122].

²⁷ Если этот шаг будет сопровождаться заключением согласованных и долгосрочных контрактов по фиксированным ценам, энергетический эталон рубля будет по факту создан (даже без каких-либо официальных деклараций).

Литература

1. Концепция участия России в объединении БРИКС. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 21 марта 2013 // URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17715 (обращение: 22.02.2022).
2. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности // М.: ИНФРА-М. 1999. 262 с.
3. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. // М.: ЭКСМО. 2011. 512 с.
4. *Глазьев С.Ю.* О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 56. С. 5–39 // URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/56_2016glazyev.htm (обращение: 22.02.2022).
5. *Бажан А.И.* Роль американского доллара в мировой валютной системе / Мировая валютная система: настоящее и будущее // М.: Институт Европы РАН. 2016. С. 29–33.
6. *Крылова Л.В.* Доллар США в валютной структуре международных резервов // Экономика. Налоги. Право. 2020. №13(5). С. 110–119.
7. *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Превосходство, присвоение, неравенство // М.: Научный эксперт. 2013. 304 с.
8. *Оенивцев С.Б.* Либеральная экономическая теория. Критический взгляд. // М.: Изд-во РГАУ-МСХА. 2009. 274 с.
9. *Алле М.* Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность // М.: ТЕИС. 2003. 314 с.
10. *Кляйн Н.* Доктрина шока. // М.: Добрая книга. 2011. 656 с.
11. *Асп А., Кварц С.* Круто! Как подсознательное стремление выделиться правит экономикой и формирует облик нашего мира // Альпина Диджитал. 2015. 230 с.
12. *Багдасарян В.Э.* Бог и эволюция: эволюционная теория в дискурсе цивилизационных проектов / Биологическая и социальная эволюция. Материалы научного семинара. // М.: Научный эксперт. 2013. Вып. № 7. С. 124–131.
13. *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. // М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936. 266 с.
14. *Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры // М.: Наследие. 1996. 184 с.
15. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума // М.: Языки русской культуры. 2000. 224 с.
16. *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации // М.: ЛИБРОКОМ. 2012. 256 с.
17. *Протопопов А.* Трактат о любви // М.: АСТ. 2020. 256 с.
18. *Герасимов И.* (2009) Социализм и «природа человека»: убить в себе Зверя // URL: maxpark.com/community/1218/content/927515 (обращение: 22.02.2022).
19. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества // М.: Изд. Института Гайдара. 2011. 480 с.
20. *Гоббс Т.* Левиафан // М.: Рипол-Классик. 2017. 503 с.
21. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции // СПб.: Товарищество «Знание». 1907. 256 с.
22. *Егоров Д.Г.* Информационно-синергетическая экономика: введение // Апатиты: изд-во Кольского научного центра РАН. 2005. 82 с.
23. *Кэй Дж.* Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 4–13.

24. Шумпетер Й. Наука и идеология / Философия экономики. Антология. Под ред. Д. Хаусмана // М.: изд. Института Гайдара. 2012. С. 247–264.
25. Балюк И. Проблема внешнего долга США: существует ли решение? // Общество и экономика. 2021. № 5. С. 101–116.
26. Егоров Д.Г., Егорова А.В. К вопросу об определении понятия «деньги» // Финансы и кредит. 2006. № 5. С. 14–16.
27. Уоскин В.М. Денежный мир Милтона Фридмена // М.: Мысль. 1989. 173 с.
28. Colander D., Holt R., Rosser B. The Changing Face of Mainstream Economics / Middlebury College Economics Discussion Paper No. 03–27. URL: <http://community.middlebury.edu/~colander/articles/Changing%20Face%20of%20Mainstream%20Economics.pdf> (обращение: 22.02.2022).
29. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Кейнс Дж.М. Избранные произведения // М.: Экономика. 1993. С. 224–518.
30. Arestis P. Post-Keynesian Economics: Towards Coherence // Cambridge Journal of Economics. 1996. Vol. 20. № 1. P. 111–135.
31. Heise A. (2019) Post-Keynesian Economics – Challenging the Neo-Classical Mainstream // MPRA Paper No. 99280. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/99280/> (обращение: 22.02.2022).
32. Поннер К. Объективное знание. Эволюционный подход // М.: Эдиториал УРСС. 2002. 384 с.
33. Егоров Д.Г. О методологии мейнстрима: деградация научного метода или защита status quo в мировой экономике? // Общество и экономика. 2001. № 9. С. 40–53.
34. Allais M. A la Recherche d'une Discipline Economique. L'Economie Pure // Paris: Ateliers industria. 1943. 852 p.
35. Arrow K.J., Debreu G. Existence of Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. 1954. Vol. 22. N. 3. P. 265–290.
36. Sonnenschein H. Market Excess Demand Functions // Econometrica. 1972. Vol. 40. N. 3. P. 549–563.
37. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность // М.: Новости. 1992. 304 с.
38. Вассерман А. В первый раз социализм пришел рановато // Бизнес-журнал. 2011. № 6. URL: <http://svoy-put.ru/ekonomika/poznavatelnye-stati/anatolii-vasserman-otritsanie-otritsaniia> (обращение: 22.02.2022).
39. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Империализм как высшая стадия капитализма»: сто лет спустя (об основных этапах эволюции позднего капитализма и специфике его современного состояния) // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 8–23.
40. Чанг Ха-Джун Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма // М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 256 с.
41. Кларк Дж. Б. Распределение богатства // М.: Гелиос АРВ. 2000. 367 с.
42. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 2004. 416 с.
43. Weber M. Basic Sociological Terms // Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press. 1968. P. 3–62.
44. Егоров Д.Г. Сколько парадигм в экономической теории, и может ли она стать наукой с одной парадигмой // Общественные науки и современность. 2021. № 5. С. 129–142.
45. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. Сочинения в четырех томах // М.: Мысль. 1984. Т. 4 С. 53–293.
46. Samuelson P.A. Economics // New York: McGraw-Hill Book Company. 1990. 645 p.

47. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* О единстве экономической теории // СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 2019. 214 с.
48. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* О построении неравновесной микротеории // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 18–33.
49. *Яковлев А.И.* Теория денег: от золота к криптосистеме обмена // СПб: издательство Санкт-Петербургского университета. 2020. 152 с.
50. *Podolinski S.* Le socialisme et l'unité des forces physiques // La Revue socialistes. No. 8. 1880. P. 353–365.
51. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии // М.: Ноосфера. 1991. 86 с.
52. *Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е.* Система природа—общество—человек: устойчивое развитие // Москва—Дубна, Ноосфера. 2000. 320 с.
53. *Ларуш Л.Х.* Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. URL: <http://bourabai.ru/larouche/physec.html> (обращение: 26.03.2022).
54. *Сорос Дж.* Алхимия финансов // М.: ИНФРА-М. 1997. 416 с.
55. *Сраффа П.* Производство товаров посредством товаров // М.: ЮНИТИ-ДАНА. 1999. 160 с.
56. *Гельвановский М.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П.* Мультиоварная база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности // Стратегические приоритеты. 2017. № 4. С. 120–130.
57. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* К вопросу о коррекции рыночных цен (надо ли это делать? И можно ли?) // ЭКО. № 11. 2005. С. 158–166.

Dmitriy Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Grand Ph.D. in Philosophy, Professor,

Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia and Pskov State University (Pskov, Russia)

(e-mail: de-888@ya.ru)

ABOUT MODERN GLOBALIZATION, THE IDEOLOGY OF THE ECONOMIC MAINSTREAM AND ITS POSSIBLE THEORETICAL ALTERNATIVE

The list of ideologemes of neoclassical economics is explicated. It is shown that the present-day global financial and economic system cannot be assessed in itself, with no prior socio-ethical choice. The thesis is substantiated that an alternative to the mainstream can be built within the framework of the classical approach.

Keywords: monetary standard, classical economics, neoclassical economics, economic mainstream, world economy, primitivity, economic theory.

DOI: 10.31857/S020736760019572-8